

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

М. Лермонтов

ОБРАЗЫ
СОВРЕМЕНА

Михаил Юрьевич Лермонтов

Джюлио
(Поэмы)

Содержание

Вступление	0005
Примечания	0033

Михаил Юрьевич Лермонтов
Джюлио
(Повесть. 1830 год.)

Вступление

*Осенний день тихонько угасал
На высоте гранитных шведских
скал.*

*Туман облек поверхности озер,
Так что едва заметить мог бы
взор*

*Бегущий белый парус рыбака.
Я выходил тогда из рудника,
Где золото, земных трудов пред-*

*мет,
Там люди достают уж много
лет;*

*Здесь обратились страсти все в
одну,*

И вечный стук тревожит тиши-

*ну;
Между столпов гранитных и ар-*

*кад
Блестит огонь трепещущих лам-*

*пад,
Как мысль в уме, подавленном
тоской,*

Кидая свет бессильный и пустой!..

*Но если очи, в бесприветной мгле
Угасшие, морщины на челе,*

Но если бледный вялый цвет ланит
И равнодушный молчаливый вид,
Но если вздох, потерянный в тиши,
Являют грусть глубокую души, —
О! не завидуйте судьбе такой.
Печальна жизнь в могиле золотой.
Поверьте мне, немногие из них
Могли собрать плоды трудов своих.

Не нахожу достаточных речей,
Чтоб описать восторг души моей,
Когда я вновь взглянул на небеса,
И освежила голову роса.
Тянулись цепью острые скалы
Передо мной; пустынные орлы
Носилися, крича средь высоты.
Я зрел вдали кудрявые кусты
У озера спокойных берегов
И стебли черные сухих дубов.
От рудника вился желтея путь...
Как я желал скорей в себя вдохнуть
Прохладный воздух, вольный, как

народ
Тех гор, куда сей узкий путь ве-
дет.

Вожатому подарок я вручил,
Но, признаюсь, меня он удивил,
Когда не принял денег. Я не мог
Понять, зачем, и снова в кошелек
Не смел их положить... Его черты
(Развалины минувшей красоты,
Хоть не являли старости оне),
Казалось, знакомы были мне.

И подойдя, взяв за руку меня:
«Напрасно б, – он сказал, – скры-
вался я!
Так, Джюлио пред вами, но не
тот,
Кто по струям венецианских вод
В украшенной гондоле пролетал.
Я жил, я жил и много испытал;
Не для корысти я в стране чужой:
Могилы тьма сходна с моей ду-
шой,
В которой страсти, лета и меч-
ты
Изрыли бездну вечной пустоты...
Но я молю вас только об одном,

Молю: возьмите этот свиток. В нем,
В нем мир всю жизнь души моей найдет —
И, может быть, он вас остережет!»
Тут скрылся быстро пасмурный чудак.
И посмеялся я над ним; бедняк,
Я полагал, рассудок потеряв,
Не потерял еще свой пылкий нрав;
Но, пробегая свиток (видит бог),
Я много слез остановить не мог.

* * *

Есть край: его Италией зовут;
Как божьи птицы, мнится, там живут
Покойно, вольно и беспечно. И про-
шлец,
Германии иль Англии жилец,
Дивится часто счастью людей,
Скрывающих улыбкою очей
Безумный пыл и тайный яд стра-
стей.
Вам, жителям холодной сторо-
ны,
Не перенять сей ложной тишины,

Хотя ни месть, ни ревность, ни
любовь
Не могут в вас зажечь так силь-
но кровь.
Как в том, кто близ Неаполя
рожден:
Для крайностей ваш дух не сотво-
рен!..
Спокойны вы!.. на ваш унылый
край
Навек я променял сей южный рай,
Где тополи, обвитые лозой,
Хотят шатер достигнуть голу-
бой,
Где любят моря синие валы
Баюкать тень береговой скалы...

Вблизи Неаполя мой пышный дом
Белеется на берегу морском,
И вокруг него веселые сады;
Мосты, фонтаны, бюсты и пруды
Я не могу на память перечесть;
И там у вод, в лимонной роще,
есть
Беседка; всех других она милей,
Однако вспомнить я боюсь об ней.
Она душистым запахом полна,
Уединенна и всегда темна.

Ах! здесь любовь моя погребена;
Здесь крест, нагнутый временем,
торчит
Над холмиком, где Лоры труп со-
крыт.

При верной помощи теней ноч-
ных,
Бывало, мы, укрывшись от род-
ных,
Туманною озарены луной,
Спешили с ней туда рука с рукой;
И Лора, лютню взяв, певала мне...
Ее плечо горело как в огне,
Когда к нему я голову склонял
И пойманные кудри целовал...
Как гордо волновалась грудь твоя,
Коль очи в очи томно устремля,
Твой Джюлио слова любви твер-
дил;
Лукаво милый пальчик мне гро-
зил,
Когда я, у твоих склоняясь ног,
Восторг в душе остановить не
мог...

Случалось, после я любил сильнеей,
Чем в этот раз; но жалость

лишь о сей
Любви живет, горит в груди мо-
ей.

Она прошла, таков судьбы закон,
Неумолим и непреклонен он,
Хотя щадит луны любезной свет,
Как памятник всего, чего уж нет.
О, тень священная! простишь ли
ты

Тому, кто обманул твои мечты,
Кто обольстил невинную тебя
И навсегда оставил не скорбя?
Я страсть твою употребил во
зло,

Но ты взгляни на бледное чело,
Которое изрыли не труды, —
На нем раскаянья и мук следы;
Взгляни на степь, куда я убежал,
На снежные вершины шведских
скал,

На эту бездну смрадной темно-
ты,

Где носятся, как дым, твои чер-
ты,

На ложе, где с рыданием, с тос-
кой

Клянусь себя с минуты роковой...

И сжался, сжался, сжался на-

до мной!..

.....

.....

Когда мы женщину обманем,
тайный страх
Живет для нас в младых ее очах;
Как в зеркале, вину во взоре том
Мы, различив, укор себе прочтем.
Вот отчего, оставя отчий дом,
Я поспешил, бессмысленный, бе-
жать,
Чтоб где-нибудь рассеянье сыс-
кать!

Но с Лорой я проститься захотел.
Я объявил, что мне в чужой пре-
дел
Отправиться на много должно
лет,
Чтоб осмотреть великий божий
свет.

«Зачем тебе! – воскликнула она,
—

Что даст тебе чужая сторона,
Когда ты здесь не хочешь быть
счастливым?..

Подумай, Джюлио!» тут, взор
склонив,

Она меня рукою обняла, —

«Ах, я почти уверена была,
Что не откажешь в просьбе мне
одной:
Не покидай меня, возьми с собой,
Не преступи вторично свой обет...
Теперь... ты должен знать!..»
«Нет,
Лора, нет! —
Воскликнул я, — оставь меня, за-
будь;
Привязанность былую не вдох-
нуть
В холодную к тебе отныне грудь;
Как странники на небе, облака,
Свободно сердце и любовь легка».
И, побледнев как будто бы сквозь
сна,
В ответ сказала тихо мне она:
«Итак, прости навек, любезный
мой;
Жестокий друг, обманщик доро-
гой;
Когда бы знал, что оставляешь
ты...
Однако, прочь, безумные мечты,
Надежда! сердце это не смущай...
Ты более не мой... прощай!.. про-
щай!..

Желаю, чтоб тебя в чужой стране
Не мучила бы память обо мне...»

То был глубокий вещий скорби
глас.
Так мы расстались. Кто жалчей
из нас,
Пускай в своем уме рассудит
тот,
Кто некогда сии листы прочтет.

Зачем цену утраты на земле
Мы познаем, когда уж в вечной
мгле
Сокровище потонет, и никак
Нельзя разгнать его покрывший
мрак?
Любовь молодых, прелестных жен-
ских глаз
По редкости, сокровище для нас
(Так мало дев, умеющих любить);
Мы день и ночь должны его хра-
нить;
И, горе! если скроется оно:
Навек блаженства сердце лишено.
Мы только раз один в кругу зем-
ном

Горим взаимной нежностью огнем.
Пять целых лет провел в Париже
я.

Шалил, именье с временем губя;
Первоначальной страсти жар
святой
Я называл младенческой мечтой.
Дорога славы, заманив мой взор,
Наскучила мне. Совесть укор
Убить любовью новой захотев,
Я стал искать беседы юных дев;
Когда же охладел к ним наконец,
Представила мне дружба свой ве-
нец;
Повеселив меня немного дней,
Распался он на голове моей...
Я стал бродить печален и один;
Меня уверили, что это сплин;
Когда же надоели доктора,
Я хладнокровно их согнал с двора.

Душа моя была пуста, жестка.
Я походил тогда на бедняка:
Надеясь клад найти, глубокий ров
Он ископал среди своих садов,
Испортить не страшась гряды
цветов,
Рыл, рыл – вдруг что-то застуча-

ло – он

Вздрыгнул... предмет трудов его
найден —

Приблизился... торопится... гля-
дит:

Что ж? – перед ним гнилой ске-
лет лежит!

«Заботы вьются в сумраке ночей
Вкруг ложа мягкого, златых ки-
стей;

У изголовья совесть-скорпион
От вежд засохших гонит сладкий
сон;

Как ветер преследует по небу
вдаль

Оторванные тучки, так печаль,
В одну и ту же с нами сев ладью,
Не отстает ни в куще, ни в бою»;
Так римский говорит поэт-муд-
рец.

Ах! это испытал я наконец,
Отправившись, не зная сам куда,
И с Сеною простившись навсегда!..
Ни диких гор Швейцарии снега,
Ни Рейна вдохновенные берега,
Ничем мне ум наполнить не мог-
ли,

И сердцу ничего не принесли.

.....

.....

Венеция! о, как прекрасна ты,
Когда, как звезды спавши с высо-
ты,
Огни по влажным улицам твоим
Скользят; и с блеском синим, зо-
лотым,
То затрепещут и погаснут вдруг,
То вновь зажгутся; там далекий
звук,
Как благодарность в злой душе,
порой
Раздастся и умрет во тьме ноч-
ной:
То песнь красавицы, с ней друг ея;
Они поют, и мчится их ладья.
Народ, теснясь на берегу, кипит.
Оттуда любопытный взор сле-
дит
Какой-нибудь красивый навильон,
Который бегло в волнах отражен.
Разнообразный плеск и весел шум
Приводят много чувств и много
дум;
И много чудных случаев рождал
Ничем ненарушимый карнавал.

Я прихожу в гремящий маскарад,
Нарядов блеск там ослепляет
взгляд;
Здесь не узнает муж жены своей.
Какой-нибудь лукавый чичисбей,
Под маской, близ него проходит с
ней;
И муж готов божиться, что же-
на
Лежит в доме отчаянно больна..
Но если всё проник ревнивый взор
—

Тотчас кинжал решит недолгий
спор;
Хотя ненужно пролитая кровь
Уж не воротит женскую лю-
бовь!..
Так мысля, в зале тихо я блуждал
И разных лиц движенья наблю-
дал;
Но, как пустые грезы снов пу-
стых,
Чтоб рассказать, я не запомню
их.
И вижу маску: мне грозит она.
Огонь паров застольного вина
Смутил мой ум, волнуя кровь
мою.

Я домино окутался, встаю,
Открыл лицо, за тайным чудачком
Стремлюсь и покидаю шумный дом.
Быстрее ног преследуют его
Мои глаза, не помня ничего;
Вослед за ним, хотя и не хотел,
На лестницу крутую я взлетел!..

Огромные покои предо мной,
Отделаны с искусственной красотой;
Сияли свечи яркие в углах,
И живопись дышала на стенах.
Ни блеск, ни сладкий аромат цветов
Желаньем ускоряемых шагов
Остановить в то время не могли:
Они меня с предчувствием несли
Туда, где, на диване опустясь,
Мой незнакомец, бегом утомясь,
Сидел; уже я близко у дверей —
Вдруг – (изумление души моей
Чьи краски на земле изобразят?)
С него упал обманчивый наряд —
И женщина единственной красоты
Стояла близ меня. Ее власы

Катились на волнуемую грудь
С восточной негой... я не смел дох-
нуть.

Покуда взор, весь слитый из огня,
На землю томно не упал с меня.
Ах! он стрелой во глубь мою про-
ник!

Не выразил бы чувств моих в сей
миг

Ни ангельский, ни демонский
язык!..

Средь гор кавказских есть, слышал
я, грот,

Откуда Терек молодой течет,
О скалы неприступные дробясь;
С Казбека в пропасть иногда ска-
тясь,

Отверстие лавина завалит,
Как мертвый, он на время замол-
чит...

Но лишь враждебный снег промо-
ет он,

Быстрее его не будет Аквилон;
Беги сайгак от берега в тот час
И жаждающий табун – умчит он
вас,

Сей ток, покрытый пеною густой,
Свободный, как чеченец удалой.

Так и любовь, покрыта скуки
льдом,
Прорвется и мучительным огнем
Должна свою разрушить колы-
бель,
Достигнет или не достигнет
цель!..
И беден тот, кому судьбина, дав
И влюбчивый и своевольный нрав,
Позволила узнать подробно мир,
Где человек всегда гоним и сир,
Где жизнь – измен взаимных веч-
ный ряд,
Где память о добре и зле – всё яд,
И где они, покорствуя страстям,
Приносят только сожаленье
нам!

Я был любим, сам страстию пы-
лал
И много дней Мелиной владал,
Летучих наслаждений властелин.
Из этих дён я не забыл один:
Златило утро дальний небосклон,
И запах роз с берегов был разнесен
Далеко в море; свежая волна,
Играющим лучом пробуждена,
Отзывы песни рыбаков несла...

В ладье при верной помощи весла
Неслися мы с Мелиною сам-друг,
Внимая сладкий и небрежный
звук;
За нами в блеске утренних лучей
Венеция, как пышный мавзолей
Среди песков Египта золотых,
Из волн поднявшись, озирала их.
В восторге я твердил любви слова
Подруге пламенной; моя глава,
Когда я спорить уставал с водой,
В колена ей склонялася порой.
Я счастлив был; неведомый ни-
кем,
Казалось, я покоен был совсем,
И в первый раз лишь мог о том за-
быть,
О чем грустил, не зная возвра-
тить.
Но дьявол, сокрушитель благ зем-
ных,
Блаженство нам дарит на крат-
кий миг,
Чтобы удар судьбы сразил силь-
ней;
Чтобы с жестокой тягостью сво-
ей
Несчастье унесло от жадных глаз

Всё, что ему еще завидно в нас.

*Однажды (ночь на город уж легла,
Луна как в дыме без лучей плыла
Между сырых туманов; ветер ноч-
ной,
Багровый запад с тусклою луной*

*Все предвещало бури; но во мне
Уснули, мнилось, навсегда оне)
Я ехал к милой; радость и любовь
Мою младую волновали кровь;
Я был любим Мелиной, был бо-
гат,
Всё вокруг мне веселило слух и
взгляд:
Роптанье струй, мельканье чел-
ноков,
Сквозь окна освещение домов,
И баркаролла мирных рыбаков.
К красавице взошел я; целый дом
Был пуст и тих, как завоеван
сном;
Вот – проникаю в комнаты – и
вдруг
Я роковой вблизи услышал звук,
Звук поцелуя... праведный творец,
Зачем в сей миг мне не послал ко-*

нец?
Зачем, затрепетав как средь огня,
Не выскочило сердце из меня?
Зачем, окаменевший, я опять
Движенье жизни должен был принять?..

Бегу, стремлюсь, трещит – и настежь дверь!
Кидаясь как разъяренный зверь
В ту комнату, и быстрый шум шагов
Мой слух мгновенно поразил – без слов,
Схватив свечу, я в темный коридор,
Где, ревностью пылая, встретил взор
Скользящую как некий дух ночной
По стенам тень. Дрожащею рукой
Схватив кинжал, машу перед собой!
И вот настиг; в минуту удержу —
—
Рука... рука... хочу схватить – гляжу:

Недвижная, как мертвая, бледна,
Мне преграждает дерзкий путь
она!

Подъемлю злобно очи... страш-
ный вид!..

Качая головой, призрак стоит.
Кого ж я в нем встревоженный
узнал?

Мою обманутую Лору!..
...Я упал!

Печален степи вид, где без препон
Скитается летучий Аквилон
И где кругом, как зорко ни смот-
ри,

Встречаете березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой:
Так жизнь скучна, когда боренья
нет;

В ней мало дел мы можем в цве-
те лет,

В минувшее проникнув, разли-
чить,

Она души не будет веселить:
Но жребий я узнал совсем иной;
Убит я не был раннею тоской...
Страстей огонь, неизлечимый яд,

Еще теперь в душе моей кипят...
И их следы узнал я в этот раз.
В беспамятстве, не открывая
глаз,
Лежал я долго; кто принес меня
Домой, не мог узнать я. День от
дня
Рассудок мой свежей и тверже
был;
Как вновь меня внезапно посетил
Томительный и пламенный недуг.
Я был при смерти. Ни единый друг
Не приходил проведать о боль-
ном...
Как часто в душном сумраке ноч-
ном
Со страхом пробегал я жизнь
мою,
Готовясь предстать пред судию;
Как часто, мучим жаждой огне-
вой,
Я утолить ее не мог водой,
Задохшейся и теплой и гнилой;
Как часто хлеб перед лишенным
сил
Черствел, хотя еще не тронут
был;
И скольких слез, стараясь мужем

быть,
Я должен был всю горечь проглотить!..

И долго я томился. Наконец,
Родных полей блуждающий беглец,
Я возвратился к ним.
В большом саду
Однажды я задумавшись иду,
И вдруг пред мной беседка. Узнаю
Зеленый свод, где я сказал: «люблю»

Невинной Лоре (я еще об ней
Не спрашивал соседственных людей),
Но страх пустой мой ум преодолел.

Вхожу, и что ж бродящий взгляд
узрел?

– Могилу! – свежий, летний ветерок

Порою нес увялый к ней листок,
И незабудками испещрена
Дышала сыростью и мглой она.
Не ужасом, но пасмурной тоской
Я был подавлен в миг сей роковой!
Презренье, гордость в этой тиши-

не
Старались жалость победить во
мне.
Так вот что я любил!.. так вот о
ком
Я столько дум питал в уме мо-
ем!..
И стоило ль любить и покидать,
Чтобы странам чужим нести ка-
затъ
Испорченное сердце (плод стра-
стей),
В чем недостатка нет между
людей?..
Так вот что я любил! клянусь,
мой бог,
Ты лучшую ей участь дать не
мог;
Пресечь должна кончина бытие:
Чем раньше, тем и лучше для нее!

И блещут, дева, незабудки над то-
бой,
Хотя забвенья стали пеленой;
Сплела из них земля тебе венец...
Их вырастили мать и отец,
На дерн роняя слезы каждый день,
Пока туманная ложася тень

*С холодной сладкою росой ночей,
Не освежала старых их очей...*

.....
*И я умру! – но только ветр степей
Восплачет над могилою моей!..*

*Преодолеть стараясь дум борьбу,
Так я предчувствовал свою судьбу...*

.....
.....
*И я оставил прихотливый свет,
В котором для меня веселья нет
И где раскаянье бежит от нас,
Покуда юность не оставит глаз.
Но я был стар, я многое свершил!
Поверьте: не одно лишенье сил,
Последствие толпой протекших
дней,
Браздит чело и гасит жизнь
очей!..
Я потому с досадой их кидал
На мир, что сам себя в нем прези-
рал!
Я мнил: в моем лице легко про-
честь,
Что в сей груди такое чувство*

есть.

*Я горд был, и не снес бы, как позор,
Пытающийся, нескромный, хитрый
взор.*

*Как мог бы я за чашей хохотать
И яркий дар похмелья выпивать,
Когда всечасно мстительный ме-
талл
В больного сердца струны ударял?
Они меня будили в тьме ночной,
Когда и ум, как взгляд, подернут
мглой,
Чтобы нагнать еще ужасней сон;
Не уходил с зарей багровой он.
Чем боле улыбалось счастье мне,
Тем больше я терзался в глубине,
Я счастье, казалось, привлек,
Когда его навеки отнял рок,
Когда любил в огне мучений злых
Я женщин мертвых более живых.*

*Есть сумерки души во цвете лет,
Меж радостью и горем полусвет;
Жмет сердце безотчетная тоска;
Жизнь ненавистна, но и смерть
тяжка.*

Чтобы спастись от этой пусто-

ты,
Воспоминаньем иль игрой мечты,
Умножь одну или другую ты.
Последнее мне было легче! я
Опять бежал в далекие края;
И здесь, в сей бездне, в северных го-
рах,
Зароют мой изгнаннический прах.
Без имени в земле он должен
гнить,
Чтоб никого не мог остановить.
Так я живу. Подземный мрак и
хлад,
Однообразный стук, огни лампад
Мне нравятся. Товарищей толпу
Презреннее себя всегда я чту,
И самолюбье веселит мой нрав:
Так рад кривой, слепого увидав!

.....

.....

И я люблю, когда немая грусть
Меня кольнет, на воздух выйти.
Пусть,
Пусть укорит меня обширный
свод,
За коим в славе восседает тот,
Кто был и есть и вечно не
прейдет;

*Задумавшись, нередко я сижу
Над дикою стремниной и гляжу
В туманные поля передо мной,
Отдохшие под свежесою росой.*

<.....>

*Тогда как я воскликнешь к небесам,
Ломая руки: дайте прежним
дням
Воскреснуть! но ничто их не найдет,
И молодость вторично не придет!..*

*Ах! много чувств и мрачных и
живых
Открыть хотел бы Джюлио. Но
их
Пускай обнимет ночь, как и меня!..
Уже в лампаде нет почти огня,
Страница кончена – и (хоть чудна)
С ней повесть жизни, прежде чем
она...*

Примечания

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 5 (тетрадь V), лл. 1—13.

На первом листе рукописи на месте заглавия рукой Лермонтова написано: «Вступление (1830 года)». Рядом, в верхнем правом углу листа запись: «*(великим постом и после)*. Я слышал этот рассказ от одного путешественника». На л. 2 об., после стиха «Я много слез остановить не мог», которым заканчивается вступление, следует название поэмы: «Джюлио (повесть. 1830 год.)». В данном издании название помещено перед вступлением.

Впервые отрывок из поэмы опубликован с незначительными искажениями в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. 91—92) и полностью в Соч. под ред. Висковатова (т. 3, 1891, стр. 184—199).

В рукописи отсутствует предпоследний лист, поэтому после стиха 516 пропуск примерно 44—45 стихов, обозначенный в настоящем издании строкой точек.

Датируется 1830 годом, как указано в заглавии рукописи.

Стихи «Заботы вьются в сумраке ночей... Не отстают ни в куще, ни в бою», заключенные в кавычки, – вольное переложение двух стрóf оды XVI Горация II книги: «Ни царские сокровища, ни пучки консульского ликтора не отгонят ни жалкое смятение души ни заботы, витающие под резным потолком... Порочная тоска подымается на суда, обшитые медью, не оставляет отряды всадников, она быстрее оленей, быстрее Эвра, гоняющего тучи».

Стихи «Как странники на небе, облака, Свободно сердце и любовь легка», «Но дьявол, сокрушитель благ земных... Всё, что ему еще завидно в нас» и «Есть сумерки души во цвете лет... Жизнь ненавистна, но и смерть тяжка» целиком или с небольшими изменениями вошли в поэму «Литвинка». Стихи «Ни ангельский, ни демонский язык!..» и «Есть сумерки души во цвете лет, Меж радостью и горем полусвет» вошли в стихотворение «1831-го июня 11 дня» стих «Ни ангельский, ни демонский язык!..» вошел также в поэму «Измаил-Бей».